

Отчего брат Чу вечно сердится

Оставив ворох вещей, управляющий Сюй укатил на экипаже, доверив Чжунли Юя заботам хозяев. Мальчик не стал капризничать или плакать — он вел себя так, словно ничего из ряда вон выходящего не случилось. Едва покончив с обедом, он принялся упрашивать Сяо Юаня пойти погулять.

— Юй-эр, а дедушка Сюй не говорил, когда заберет тебя? — осторожно поинтересовался Чу Цы.

— Дедушка Сюй сказал, что я могу гостить здесь столько, сколько пожелаю, — рассудительно ответил ребенок. — Он будет присылать провизию каждые три дня, а когда я захочу домой, за мной приедет экипаж. Я взял с собой сменную одежду, игрушки и даже книги для занятий, так что не беспокойтесь, дядя Чу.

Чу Цы не знал, смеяться ему или плакать. Было очевидно: малец настоял на своем и устроил дома нешуточный переполох. Если бы в их доме было побольше места, управляющий Сюй, вероятно, и сам бы остался здесь.

— Ну хорошо. Тогда ночью будешь спать со мной.

— Нет! — тут же вскричал Сяо Юань. — Дядя, я тоже хочу спать с тобой!

До этого он всегда спал с бабушкой, но стоило Чжунли Юю претендовать на место подле дяди, как в нем вскипела ревность.

— Сяо Юань! — мягко, но строго позвала Шэнь Сюнян, и мальчик тут же прикусил язык.

Хоть он и унял свой пыл, настроение у него испортилось. Ведя гостя со двора, он так прибавил шагу, словно не хотел дожидаться спутника. Тот лишь добродушно улыбался и семеня следом, ничуть не обижаясь на холодность «брatца Юаня».

Проводив их взглядом, Чу Цы с улыбкой вернулся в комнату. Он вскрыл узел, переданный управляющим Сюем, и обнаружил там несколько книг и приятные мелочи. Книги оказались описаниями Аньчэна: «Очерки нравов и природы Аньчэна», «Путевые заметки об Аньчэне» и «Городские легенды Аньчэна». Вероятно, Коу Цзин запомнил его живое любопытство к этому городу и решил прислать эти труды.

Чу Цы открыл «Очерки нравов» и принялся за неспешное чтение...

***

Вечернюю тишину прорезали звонкие призывы женщин, выходящих на порог: «Домой! Пора ужинать!» Деревенские ребята тут же бросились врассыпную, оставив Сяо Юаня и Чжунли Юя одних.

Весь день они лепили грязевые шарики, и Сяо Юань наконец открыл в своем новом приятеле неоспоримый талант. Мальчик оказался на редкость умелым: его шарики выходили идеально гладкими и круглыми, а при ударе о землю не рассыпались в прах. Благодаря этому Сяо Юань сегодня выиграл во всех состязаниях по стрельбе комочками.

— Вот, это тебе, — Сяо Юань отсчитал ровно половину из своего холщового мешочка с добычей.

— Мне не нужно, братец Юань. Пусть лежат у тебя, а когда я захочу поиграть, ты мне дашь, — ответил тот.

Ну и ладно. Сяо Юань быстро спрятал мешочек, окончательно решив принять Чжунли Юя в ряды своих верных последователей. В табели о рангах он отвел ему место сразу за Да Чжуаном.

***

Чу Цы составил для себя строгий распорядок дня.

Подъем в половине шестого утра. Пятнадцать минут на гимнастику Уцинъси — телу требовалась закалка, чтобы выдержать те девять изнурительных дней, что ждали его на экзаменах сянши в августе.

Затем — пять минут на умывание и десять минут тишины: неподвижное созерцание помогало успокоить сердце и привести мысли в порядок.

Завтрак. Для здоровья полагалось жевать медленно и тщательно, так что на трапезу отводилось не менее пятнадцати минут.

После короткого отдыха начиналась учеба. Утро — время для Четверокнижия и комментариев великих ученых. Нужно было не просто заучивать, но проникать в самую суть написанного. Затем — решение одной сложной задачи из тех, что задавал наставник.

После обеда — короткая передышка.

«Именно передышка, а не полноценный сон!»

Следом наступал черед Пятикнижия. Прежний владелец тела тратил уйму времени на заучивание «Книги песен» и комментариев к ней, но раз Чу Цы еще не решил, на каком из канонов специализироваться, он положил себе ежедневно учить по главе из «Книги истории» и «Вёсен и осеней», набрасывая к ним пробные эссе.

После ужина — прогулка с двумя сорванцами вокруг деревни. Вернувшись, он писал по стихотворению на заданную рифму, читал по две главы из исторических хроник, записывал краткие размышления и, наконец, ложился спать.

Чу Цы неукоснительно следовал этому плану. При всей своей склонности к вольнодумству, он умел быть дисциплинированным, когда того требовало дело.

Дни летели незаметно. Проснувшись однажды утром, он увидел, как матушка Чу снимает белую ткань с ворот и дверей и развязывает пеньковые шнуры на рукавах одежды. Лишь тогда он осознал: наступило шестнадцатое марта.

***

Пятнадцать дней национального траура подошли к концу. На престол действительно взошел Второй принц. Шестнадцатого марта состоялась торжественная церемония коронации, и новым девизом правления стал Тяньхэ. Как водится, восшествие монарха ознаменовалось великой амнистией: всем преступникам, чья вина не каралась смертью, срок заключения был сокращен на одну степень. Вместе с тем по государственным трактам понеслись гонцы: весть о добавочных экзаменах Энькэ разлеталась по провинциям. Чиновникам на местах велели немедля вывесить объявления, дабы ученые мужи успели подготовиться к экзамену сянши.

Эта новость принесла облегчение многим. Хотя открытие Энькэ при новом императоре было традицией, история знала и исключения. Так, когда-то покойный император Лян внезапно скончался, и его малолетний наследник, взойдя на трон, экзаменов не проводил. Впрочем, вскоре после этого та династия и пала.

В этом году борьба на провинциальных экзаменах обещала быть небывало жаркой. Статус цзюйжэня в год воцарения ценился куда выше обычного. Те, кто сдаст экзамены сейчас, получают право участвовать в столичных экзаменах хуэйши уже в следующем году.

Обычно император лично наблюдал лишь за дворцовым этапом — дянъши, и только те, кто дошел до него, могли гордо зваться «учениками Сына Неба». Однако в первый год правления монарх, как правило, объявлял себя номинальным главным экзаменатором грядущих хуэйши.

А значит, каждый, кто пройдет нынешние сянши, вне зависимости от успехов в столице, сможет называть себя личным учеником государя. Если же участвовать в хуэйши позже, этот титул, конечно, тоже дадут, но его «вес» будет уже не тот.

С таким титулом при назначении на должность или переводе чиновник получал преимущество

в полранга перед сверстниками. Кто же в здравом уме откажется от такой милости?

Впрочем, в провинции на три тысячи сюцаев приходилось лишь девяносто мест цзюйжэней. Конкурс был суров. А на хуэйши из трех тысяч цзюйжэней отбирали лишь триста цзиньши. Недаром в народе говорили: «Золотой цзюйжэнь, серебряный цзиньши».

***

Восемнадцатого марта Чу Цы отвел малышей в школу для начинающих, чтобы сообщить об их возвращении после перерыва, а сам поспешил в уездное училище, в зал Прежних мудрецов, на церемонию открытия учебного года.

В этом году все началось с большим опозданием: сначала уездные экзамены, затем траур. Церемония в классах подготовки к госслужбе состоялась лишь теперь.

Всего было три типа экзаменационных классов: сяньши, уездные и тунцзи. В каждом из них учеников делили на группы «Цзя», «И» и «Бин» — в зависимости от способностей и успехов.

В классах сяньши ученики были не слишком стары и уже обладали званием сюцая. Причем в элитной группе «Цзя» учились те, кто входил в двадчатку лучших на экзаменах в своих потоках.

В уездных классах народ был постарше, но не старше тридцати. Им оставался лишь шаг до степени сюцая — как правило, они уже сдали либо уездный, либо окружной этап.

Классы тунцзи называли еще подростковыми. Там учились те, кто только что пришел из начальных школ, сдав экзамен на туншэна, либо те, кто потерпел неудачу на уездном уровне.

Ежемесячно проводились аттестации, и наставники перераспределяли учеников. Если кто-то трижды подряд не показывал успеха или не мог удержаться на месте, его просили покинуть училище.

Когда Чу Цы вошел в зал Прежних мудрецов, почти все ученики сяньши уже были в сборе. В зале стоял гул, и Чу Цы, растерявшись, не сразу понял, где его место.

— Брат Чу, сюда! — окликнули его из толпы.

Присмотревшись, он узнал Чэнь Цзыфана.

— Брат Чжунсин! Не виделась несколько дней, а ты, гляжу, в добром здравии, — приветствовал его Чу Цы, сложив руки в поклоне.

— Ха-ха, и ты тоже, брат Чу. Выглядишь еще благороднее прежнего, — ответил тот.

Пока они беседовали, в зале внезапно стало тихо. В дверях показался глава академии Кун в окружении десяти наставников и двух десятков преподавателей.

Ученики разом склонились в поклоне:

— Приветствуем главу академии, наставников и преподавателей!

Их голоса эхом отразились от сводов зала. Глава Кун с довольной улыбкой оглядел склоненные головы и произнес звучным, глубоким голосом:

— Прошу, оставьте церемонии.

— Благодарим, глава академии, — ученики выпрямились.

После положенных торжественных речей наступил самый волнующий момент — распределение по группам. Списки составлялись по результатам прошлогодних итоговых испытаний. По знаку главы вперед вышел преподаватель Цзян.

— Группа «Цзя» уровня сянши. Выйти вперед тем, чьи имена будут названы. Ци Сюй, Цзян Хуай... Чжан Дин... Эти двадцать восемь человек зачислены в элитный класс.

Некоторые принимали новость спокойно, другие не могли скрыть ликования — видимо, то были счастливики, перешедшие из групп пониже.

— Группа «И». Оглашаю список. Ло Иншу, Хэ Цзинь...

— Группа «Бин». Чжу Сян, Чжу Цзе... Чу Цы. Эти сорок два человека, выйти из строя.

Чу Цы почувствовал, как к лицу приливает жар. В прошлом году он не участвовал в итоговых экзаменах, и в его ведомости стоял чистый ноль. Неудивительно, что его задвинули в самый конец списка класса Бин.

«Да уж, — подумал он, — позорище какое»

Впрочем, в прошлом году в училище числилось сто двадцать человек, а в списках сейчас оказалось лишь сто десять. Группа «И» была заполнена до отказа, а вот в «Цзя» не хватало двоих, в «Бин» — восьмерых. Видимо, десятерых все-таки отсеяли.

— Преподаватель, — подал голос один из учеников, — я был первым в списке группы «И».

Почему меня не перевели в «Цзя»?

Преподаватель Цзян невозмутимо ответил:

— В училище заведено правило: тот, кто занял первое место на недавнем провинциальном экзамене юаньши, может быть зачислен в класс «Цзя» без вступительных испытаний. Аньшоу Фан Цзиньян подал документы вчера, и одно место зарезервировано для него.

— Но аньшоу один! Остается еще одно место! — не унимался ученик. Условия в элитной группе были в разы лучше.

— Есть и второе правило: ученики, переводящиеся из окружного училища, также зачисляются в элитную группу вне конкурса. Чэнь Цзыфан, ранее обучавшийся в области, подал прошение несколько дней назад. Второе место занято им.

Ученику пришлось смиренно отступить. Чэнь Цзыфан неловко кашлянул: он не знал о таких тонкостях и теперь чувствовал себя так, будто отнял чужое место. Знай он об этом раньше, пошел бы вместе с Чу Цы в группу «Бин» — все равно через месяц по результатам аттестации он бы поднялся наверх.

Чу Цы искренне порадовался за друзей. Но Фан Цзиньяну при встрече он задаст трепку — ишь, таинственность развел! Вчера виделись, и хоть бы словом обмолвился!

«Кстати, и Чжан Вэньхай где-то здесь. Наверняка будем вместе карабкаться из низов группы Бин»

И точно: вскоре преподаватель Цзян огласил имена восьми новичков, зачисленных в группу «Бин», и среди них прозвучало имя Чжан Вэньхая.

Завершив списки, преподаватель велел старым ученикам разойтись по обе стороны зала, оставив в центре проход для встречи новоприбывших. Чэнь Цзыфан тихонько выскользнул через боковую дверь — он не знал о такой церемонии, так как вошел в зал заранее.

Новые ученики под предводительством преподавателя гордо зашагали в зал. На их лицах сияло воодушевление: титул свежеепеченного сюэца наполнял их сердца безмерной гордостью.

Встретившись взглядом с Чу Цы, Фан Цзиньян виновато и криво усмехнулся. Чу Цы все понял и тут же перевел свой «зловещий» взор на Чжан Вэньхая.

Тот всю сиял, обмениваясь приветствиями с другими учениками, но стоило ему наткнуться на взгляд Чу Цы, как улыбка его мгновенно погасла, словно у резиновой курицы, которой внезапно сдавили горло.

«Ну всё, — обреченно подумал Чжан Вэньхай, — брат Чу опять в ярости!»

<http://bllate.org/book/15354/1428396>